

уровнях: индивидуальном и социальном. Данный факт актуализирует вопрос регулирования интернет-поведения индивидов в целях минимизации негативных последствий, вызванных использованием Сети. При этом стоит отметить, что механизмы регулирования классифицируются на социальные (институциональные – государственные и организационные; неинституциональные – автомодерация, реакция других пользователей), а также индивидуальные (самостоятельное регулирование индивидом своего поведения). Представляется, что сегодня, в быстро меняющихся условиях современности, особое внимание стоит обратить именно на саморегулирование индивида.

Литература и источники

1. Информационное общество Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2015.
2. Stone, L. Continuous Partial Attention // Lindastone [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lindastone.net/qa/continuous-partial-attention/>.
3. Coker, B.L. S. Freedom to surf: the positive effects of workplace internet leisure browsing // New technology, work and employment. – 2011. – Vol. 26, Issue 3. – P. 238–247.
4. Internet-surfing for leisure at work can boost productivity // The Sydney Morning Herald [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smh.com.au/national/internetsurfing-for-leisure-at-work-can-boost-productivity-20090402-9kdx.html>.
5. Haque, U. The Social Media Bubble // Harvard Business Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr.org/2010/03/the-social-media-bubble>.
6. Абушенко, В.Л. Знание // Энциклопедия «Социология». – Минск, 2003. – С. 337–339.
7. Моль, А. Социодинамика культуры. – М., 1973.
8. Полякова, Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. – М., 1990.

МИФЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Цибизова Л. А. (Москва, Россия)

В человеческой истории неоднократно происходили ожесточённые битвы пре смене различных культурных парадигм. Но если на ранних этапах возникновения различных племён и народов эти столкновения носили локальный характер, то с течением времени эти процессы стали затрагивать интересы всё больших и больших групп населения. Уход античности как типа культуры перед лицом мощной и страстной силы христианства, с одной стороны, и хаотичного варварства, с другой, стал практически глобальной катастрофой для древней ойкумены. Но если «глобальность» той эпохи затрагивала только известную нам территорию Римской империи с прилежащими землями, то к XX веку мировоззренческие, территориальные и иные конфликты приобретают действительно глобальный масштаб. Способы же их разрешения часто остаются прежними, породившими как две мировые

войны, так и множество локальных военных действий. Не лучший способ при наличии ядерного оружия. С тяжелейшим грузом нерешённых проблем, человечество перешло в третье тысячелетие.

Трагизм современной ситуации заключается в том, что прежние методы разрешения конфликтов, как и многие институты, бравшие раньше на себя ответственность за эти виды деятельности, оказываются бессильны перед задачами, ставшими актуальными в последние годы. Необходим пересмотр старой, а, возможно, и строительство новой системы ценностей, принимаемых как обществом в целом, так и каждым его членом. Глобальные изменения в политике, экономике, технологиях, культуре, буквально прорыв в коммуникациях требуют всестороннего анализа несоответствия традиционной социальной идентичности вызовам современности. В этих условиях, в первую, очередь нужно набраться смелости и отказаться от благодушных ретро-планов по восстановлению исторической и культурной идентичности на основе образцов «прошлого».

Что касается нашей страны, где дискретность общества всё больше и больше обнаруживала себя в последние десятилетия, то об общепринятых ценностях и нормативных моделях можно говорить только в прошедшем или будущем времени. С чем же тогда сегодня можно соотносить персональные системы ценностей в кардинально меняющихся социальных обстоятельствах?

В истории постсоветской России мы наблюдаем совершенно противоположные, но страстно отстаиваемые одними и теми же группами попытки самоидентификации. Конечно, в любом случае, необходимо опираться на какие-либо исторические образцы, которые и станут основой для построения идентификационных кодов.

Г. Кнабе отсылает нас к Титу Ливию, создавшему «Историю Рима от основания Города». Оказывается, нужна вовсе не история, как таковая, а её интерпретация. «Здесь нет никакой фальсификации. Просто отобран и усилен объективный материал, иллюстрирующий силу и роль...национальной идентификации в жизни римлян и в их истории – в минуты опасности сплочение гражданского коллектива на защиту Города, а в минуты победного торжества или всеобщей благодарности богам за дарованный успех радостное чувство всенародной солидарности...Воспитательная и нравственная задача преобладает над объективной всесторонностью изложения» [1, с. 1114–1115].

В нашем случае – история Российской империи буквально обросла всевозможными интерпретациями и постепенно стала мифом, а иногда и просто примитивной трактовкой реально имевших место исторических фактов. Случайный набор несущественных явлений предлагается сделать нормой для всеобщего подражания.

Не менее серьёзная проблема возникла с другим историческим периодом отечественной истории – советским. От такого наследства не столь отдалённого прошлого тоже решили не отказываться, не вникая в специфику неоднородности этой эпохи. Ранние периоды молодого советского

государства, несмотря на жесткость межгрупповых отношений (возможно, именно поэтому), определялись идеалом сплочения человеческих масс вокруг некоторого круга идей ценностей, суть которых сводилась к переустройству общества на основах прогресса и классовой, социальной справедливости в рамках государственных, национальных, партийно-политических, идеологических единств. Выраженная очевидно и прямо в официальной идеологии и пропаганде СССР и в государствах, близких к марксистским программам, она проявлялась в распространенных умонастроениях и во многих культурных ориентирах [2].

Начиная с оттепели 60-х годов, единение и энтузиазм уходят в начале на второй план, а потом и вовсе вытесняются цивилизацией постмодерна, а затем информационного пространства, с которым мы имеем дело и сейчас.

Сегодня мы ностальгируем по «светлому» советскому времени, его людям, системе ценностей, стабильности и безопасности. На экраны массово выходят фильмы и сериалы о людях того времени. Ведутся бурные дискуссии о возможностях возврата к той эпохе. «Советское» предстаёт в его «парадном» придуманном варианте, о котором мечталось, но чего просто не было.

Строится новая-старая система ценностей, в которой активно принимают участие СМИ. Так, например, Р.А. Борецкий отмечает необычайно возросшее влияние телевидения на процессы массовой самоидентификации больших социальных групп. «Экранный персонаж давно уже стал образцом для массового подражания. Как вести себя, как произносить слова и строить речь, искать и находить выход из непростых ситуаций,... как и для чего жить в этом...реально осязаемом мире» [3, с. 38], миллионы наших соотечественников учатся (сами того не осознавая) у телевизионных персонажей.

Но и в этом случае мы имеем дело не с историческим материалом, а его видением из другой эпохи. Опять "«копия стремится занять место оригинала, присвоить его себе, объявить себя оригиналом» [1, с. 17].

Следовательно, и в первом, и во втором случае мы интерпретируем реально происходившие события. Перед нами два мифа, два образца для подражания. И оба используются сегодня в масштабной самоидентификации наших соотечественников. И неважно, что в первом случае мы имеем дело с ценностями христианского мира, где система добродетелей определяется Создателем, и принцип загробного воздаяния никто не отменял. В другом случае, энтузиазм и переделка мира основываются на самопровозглашённом всемогуществе человека и отрицании «небесного» и «сакрального» как такового. Самоидентификация, основывающаяся на обоих этих мифах принципиально невозможна, так как один исключает другой.

Примирить с будущим нас сможет только совершенно новый подход к вопросам самоопределения, основанный на данных современной политической, социально-экономической и культурной ситуации.

Более того, учитывая, что мир в XXI веке представлен разными и часто несовместимыми системами ценностей в условиях замены традиционных

социальных связей виртуальными (и эта тенденция только набирает силу), всё чаще под сомнение ставится даже идея «самоотождествления через социальную идентичность» [4, с. 5]. Следовательно, необходимы и новые алгоритмы для самоидентификации, ориентированные на будущее, а не на прошлое.

Литература и источники

1. Кнабе, Г.С. Жажда тождества // Кнабе Г.С. Избранные труды: Теория и история культуры. – М., 2006.
2. Вяткин, А.П. Кризис социальной идентичности и личностное конструирование экономических ролей // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 2.
3. Борецкий, Р.А. Осторожно, телевидение! – М., 2002.
4. Софронова, Л.А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. – М., 2006.

АКТИВНОСТЬ ПОЗНАНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. А. Чеблакова (Минск, Беларусь)

Система образования на современном этапе ставит задачу не только приобретения учащимися определенной суммы знаний, но и развитие их познавательной и профессиональной активности, вырабатывать умения приобретать знания самостоятельно и на их основе творчески мыслить и принимать оптимальные решения. Образование в условиях глобализации обретает новый статус в мире – оно становится важнейшим фактором консолидации общества. На протяжении веков эту функцию успешно выполняла религия, одинаково принимаемая всеми, независимо от возраста, состояния, сословия и национальной принадлежности.

Сегодня в системе образования наиболее остро ставится проблема феномена личности, т.е. не просто человека как такового, не его родовые функции, но его проявление в индивидуальном, личностном плане как проявление его *свободной самореализации* и творчества. Будущие специалисты уже в вузе должны уяснить, что их успех и самоутверждение в обществе будет зависеть от их своевременного методологического обеспечения, что выбор неадекватных путей решения проблем чреват замедлением темпов развития или их остановкой.

На современном этапе этому способствует внедрение компьютеров в производство, и внимание работника может быть вытеснено из второстепенных механических процессов, сосредоточившись на важнейших стратегических направлениях. Подобная ситуация требует от специалиста творческого подхода в принятии решений.

Проблема совершенствования человека, его творческого начала в системе образования не нова. Так в своей философии Кант отмечал свой взгляд на историю человеческого рода как на «выполнение тайного плана